

ЧЕРВОНО-РУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

Отчего на Великой Руси такъ мало историческихъ преданій? Немногіе памятники древности, которые тутъ и тамъ встрѣчаются, развалины, пещеры, курганы, городища, остатки загадочныхъ укрѣпленій, рѣдко напоминаютъ русскому крестьянину исторической бытъ Россіи: либо никто и ничего не знаетъ обѣ этихъ памятникахъ, либо скажутъ вамъ наобумъ, въ самыхъ общихъ словахъ, что тутъ воевали татары, литва, ляхи или даже какой нибудь разбойникъ новѣйшихъ временъ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго, хотя онъ со всею вольницею своею и обратился уже, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ казни своей, въ какое-то богатырское сказочное преданіе. Тоже самое находимъ мы въ пѣсняхъ великорусскихъ: въ нихъ дотого господствуетъ лирическое направленіе, что между тысячами ихъ довольно трудно найти хотя одну

эпическую, съ какимъ либо историческимъ преданіемъ. На самомъ съверѣ Россіи сохранилось нѣсколько болѣе подобныхъ памятниковъ: видно, новгородцы, населившіе Заволочье и поморье, вынесли съ собою тогда нѣсколько болѣе наклонности къ бытовымъ воспоминаніямъ; все племя это вообще и понынѣ отличается говоромъ своимъ отъ всѣхъ прочихъ жителей Великой Руси и приближается, частію по произношенію, частію по сохранившимся издревле выраженіямъ, къ южной Руси.

Что касается до сей послѣдней, то она, по направленію и духу воспоминаній своихъ, въ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ, братски примыкаетъ къ сосѣднимъ южнославянскимъ племенамъ; не было, конечно, въ томъ краю ни одного исторического события, которое бы не оставило по себѣ памятникомъ пѣсню или сказку въ устахъ слѣпаго бандуриста.

На рѣкѣ Сбручѣ, пограничной между Россіею и Австріей, на чрезвычайно крутомъ и довольно высокомъ берегу,

стоить село Чернокозинцы, гдѣ видны понынѣ остатки каменнаго укрѣпленія: направо отъ развалинъ этихъ, вверхъ по рѣкѣ, находится замѣчательный самородный мостъ, длиною въ пять, а шириною до четырехъ сажень. По первому взгляду кажется весьма вѣроятнымъ, что укрѣпленіе охраняло и обеспечивало переправу, особенно, если предположить, что рѣчка Сбручъ, какъ и увѣряютъ мѣстные жители, теперь обмелѣла, но нѣкогда вздымалась гораздо выше. Мѣстное преданіе говоритъ, что это остатки замка князя Курятовича. Онъ жилъ тутъ съ сестрою своею, дѣвицею. Во время татарскаго набѣга, гдѣ замокъ захваченъ былъ въ расплохъ, князь принужденъ былъ бѣжать подземными ходами и скрыться въ ущельяхъ Сбруча. О дальнѣйшей участіи его ничего болѣе неизвѣстно; но одинъ старикъ, изъ мѣстныхъ жителей, полагалъ, что онъ ушелъ въ Польшу. Сестра князя Курятовича, страшась татаръ, бѣжала черезъ описанный нами самородный мостъ за Сбручъ, въ Галицію, унесла съ собою

значительное богатство, построила невдалекѣ, въ глухомъ лѣсу, каменную церковь съ келіею, гдѣ до конца дней своихъ молилась о пропавшемъ безъ вѣсти братѣ. Говорять, что тамошніе поселяне указываютъ понынѣ остатки этой церкви.

На томъ же Сбручѣ, на крутомъ каменистомъ берегу, есть селеніе Голенищево, съ ясными остатками небольшаго каменнаго укрѣпленія, среди коего находится чистый и холодный родникъ, снабженный богатою жилою воды. Крестьяне мѣсто это называютъ Забыткомъ, но помнятъ и понынѣ преданіе, въ которомъ частица истины смѣшана со странною сказкою: «Въ глубокой древности стояль здѣсь замокъ, доставшійся по наслѣдству одинокой и сирой княжнѣ, произнесшѣ обѣть дѣвства. О туже пору властвовалъ по сосѣдству какой-то сильный и страшный владѣтель, бывшій, сверхъ того, еще чародѣемъ: никто и даже ничто не переносило его взгляда, онъ побѣждалъ и разрушалъ глазами все, на что бы ни обращалъ взоръ; но, зато, благая природа и

взяла нѣкоторыя предосторожности: вѣки у чародѣя этого всегда были сомкнуты, за что онъ и получилъ прозваніе сонливаго Баняка; онъ даже не могъ самъ открыть глазъ, а для этого нужны были два помощника, которые, ставъ осторожно за плечи его, чтобы не встрѣтить страшнаго, губительнаго взора, осторожно подпирали вѣки сонливаго Баняка золотыми вилочками.

Банякъ-сонливый быль человѣкъ самовластный, самовольный и свирѣпый: все должно было ему покорствовать; малѣйшее противорѣчіе возбуждало въ немъ неукротимый гнѣвъ и месть, а страшная чародѣйская сила, которою онъ владѣлъ, наводила ужасъ на всѣхъ, - и вся страна безусловно ему покорялась. Услышавъ о молодой, прекрасной княжнѣ въ Голенищевѣ, онъ тотчасъ же вспыхнулъ: одной молвы о дѣвственномъ обѣтѣ ея было уже достаточно для возбужденія въ своевольномъ Банякѣ неодолимаго хотѣнія подчинить княжну своей власти, заставить ее нарушить обѣтъ свой и выйти за него

замужъ. Самый обѣтъ казался ему личнымъ для него оскорблениемъ, какъ нарушеніе безусловной его власти.

Банякъ-сонливый послалъ къ княжнѣ посольство, приказавъ въ довольно гордой, высокомѣрной рѣчи требовать руки княжны. Она отказалась. Онъ послалъ на замокъ ратныхъ людей; но они ничего не могли сдѣлать, потому что замокъ снабженъ былъ съѣстными припасами въ изобиліи и, сверхъ того, ключевою водой. Нетерпѣливый, своевольный Банякъ не сталъ выжидать конца этой продолжительной осады: онъ поднялся съ наперсниками своими, прибыль въ станъ подъ Голенищево, приказалъ себя поставить на такомъ мѣстѣ, откуда видѣнъ былъ весь замокъ, и два человѣка изъ близкихъ его, доставъ роковыя золотыя вилочки, приподняли ими обвислые вѣки Баняка до самыхъ бровей: одного этого взгляда на замокъ княжны было достаточно для конечнаго его разрушенія; стѣны рухнулись, дружина Баняка побила не только дружину княжны, но даже и всѣхъ

жителей городка Дивича, стоявшаго подъ замкомъ княжны на берегу рѣки. Опустошеніе было таково, что ни замка, ни городка съ той поры не стало; но зато, въ темныя, дождливыя осеннія ночи, тѣни побитыхъ жертвъ и понынѣ еще скитаются по долинѣ, на которой стояль городъ, и долина эта понынѣ именуется Дивичь; надъ городищемъ по воздуху проносятся тѣни бывшаго замка и въ толпѣ ихъ свѣтлый лучезарный образъ самой княжны. Она спускается въ долины и утѣшасть сѣтующія тѣни. Тогда слышатся вокругъ: топотъ конскій, звуки неизвѣстныхъ нынѣ роговъ, клики и вопли и какія-то военные пѣсни съ припѣвомъ: идемъ на Дивичь.

Долина Дивичь разстилается по обѣ стороны Сбруча, и русской и австрійской сторонѣ; мѣстами скалиста и лѣсиста и на западъ упирается въ отроги Карпатовъ.

Поблизости мѣстечка Черче, въ лѣсу, находится какое-то городище, мѣсто, обнесенное земляными раскатами: его называютъ просто монастыремъ, увѣряя, что въ древности стояль здѣсь

православный монастырь и что самое название Черче происходит отъ слова чернецъ, чернцы.

Въ былое время, когда всякий засыпалъ подъ страхомъ татарского ночного набѣга и просыпался съ молитвою и вопросомъ, не слышно ли чего о татарахъ, жители Черча узнали отъ бѣжавшаго крестьянина, что татары ползутъ на нихъ чешуйчатой змѣей вверхъ по Днѣстру. Жители разбѣжались, спасая кто что могъ, искали убѣжища въ лѣсахъ и въ пещерахъ, донынѣ еще видныхъ въ крутобереговомъ, каменистомъ ложѣ рѣки Смотрича, который обтекаетъ кольцомъ Каменецъ-Подольскій. Но одна изъ жительницъ Черче, молодая, недавно вышедшая замужъ женщина, не могла поспѣть за скрывшееся толпою и, увидѣвъ, что татары уже разсыпались по улицамъ, едва только успѣла скрыться въ вѣжу, т. е. башню, или колокольню, которая стоитъ и понынѣ. Тамъ, подъ самой кровлей колокольни, молодица увидала цѣлую груду разной утвари и домашняго скарба, спрятанного жителями отъ хищныхъ

татаръ, и въ числѣ этихъ вещей было нѣсколько пищалей. Увидавъ въ то же время приближающійся поѣздъ, въ которомъ, какъ она догадывалась, долженъ былъ находиться главный вождь татарской дружины, и лишена будучи всякой надежды на спасеніе, она схватила въ отчаяніи одно изъ ружей и, намѣреваясь отмстить за гибель столькихъ земляковъ своихъ и за себя, прицѣлилась сверху черезъ перила колокольни въ татарскаго вождя, Ѳхавшаго напереди и одѣтаго въ самое богатое платье: выстрѣль раздался, и мурза татарскій, пораженный пулею на смерть, упалъ съ лошади.

Оглядываясь кругомъ убитаго и не видя нигдѣ ни одной живой души, ни даже слѣда дыма; который въ первую минуту при общей тревогѣ никѣмъ не былъ замѣченъ, татары подхватили убитаго предводителя своего, ударили въ рога отбой и поспѣшно отъ города отступили. Простоявъ въ полѣ не болѣе того, сколько нужно было для отданія вождю своему послѣдней чести, дикіе нашельцы, пораженные какимъ-то

суевѣрнымъ страхомъ, поспѣшили уйти назадъ и разсыпаться по необозримымъ степямъ своимъ; а жители Черча вскорѣ возвратились и, къ неизъяснимому изумленію своему и радости, нашли въ цѣлости всѣ вещи, имущество, domы и даже забытыхъ въ хижинахъ дѣтей.

Имя молодицы, которой приписываютъ геройскій подвигъ этотъ, забыто; но она благополучно возвратилась подъ кровъ домашній и своевременно родила тройней, трехъ сыновей, которые получили прозваніе троянъ. Потомки троянъ этихъ ведутся понынѣ; они крестьяне и сохраняютъ прозваніе троянъ, вмѣстѣ съ описаннымъ нами повѣрьемъ.